

А. Богданов

Культурные задачи нашего времени

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А11 **А. Богданов**
Культурные задачи нашего времени / А. Богданов – М.: Книга по Требованию,
2015. – 92 с.

ISBN 978-5-458-54708-6

ISBN 978-5-458-54708-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Въ тѣ времена, когда общество не распадалось на борющіеся классы, а было едино въ своей организаціи,—единой была и его культура.

Среди родовой общины господствуетъ одинаковое міровоззрѣніе, одинаковое мірочувствованіе, одни и тѣ же нравственные понятія у всѣхъ ея членовъ, отъ ея руководителя-патріарха до усыновленныхъ ею плѣнниковъ-„рабовъ“.

Феодальная система, въ ея чистомъ видѣ, заключала въ себѣ раздѣленіе людей на сословія—властвующихъ и подвластныхъ,—но еще не знала борьбы между ними. И здѣсь культура остается една, но въ ней намѣчается внутренняя двойственность. Религія одна и та же, но нѣкоторыя части ея ученія составляютъ „тайну“ духовнаго сословія, и недоступны остальнымъ членамъ общества, которымъ, однако, и въ голову не приходитъ сомнѣваться въ истинѣ и глубокомъ значеніи этой „тайны“. Обычаи, нравственные понятія тоже въ равной мѣрѣ признаются всѣми безразличія сословій,—но сами дѣлаютъ различія между ними. То, что допустимо и нравственно для феодала, недопустимо и безнравственно для вассала-крестьянина, а также и наоборотъ. Для одного добродѣтельно является гордость, а для другого—смиреніе; первый имѣетъ право быть распущеннымъ, но былъ бы навѣки опозоренъ малѣйшимъ проявленіемъ трусости; второй не обязанъ быть безстрашнымъ, но не долженъ уклониться на стожу разврата, и т. п. Тутъ вовсе нѣтъ двухъ моралей, господской и рабьей, а есть одна, господско-рабская мораль, въ силу которой подчиненный въ своемъ властителѣ уважаетъ то, что считъ бы для себя гнуснымъ, а властитель признаетъ нормальнымъ для своего подчиненнаго то, чего никогда не подумалъ бы позволить себѣ самому.

Въ обществѣ новѣйшемъ, классовомъ, царствуетъ уже не

простое раздѣленіе, а борьба; единства культуры нѣтъ, и быть не можетъ. Каждому классу свойственно иное міропониманіе, чѣмъ другимъ классамъ, иная оцѣнка и нормы человѣческаго поведения. Тѣ самыя религіозныя вѣрованья, которыя для заходутнаго крестьянина представляютъ незыблемую и священную истину, для просвѣщенно-либеральнаго буржуа представляютъ не болѣе какъ жалкій предрасудокъ; тѣ нравственныя понятія, на которыхъ основываетъ свое социальное поведеніе крѣпостникъ-помѣщикъ, — вреднѣйшій пережитокъ прошлаго съ точки зрѣнія сознательнаго рабочаго. Даже единство національнаго языка, вѣтхимъ образомъ связывающее различные классы, въ значительной мѣрѣ является иллюзіей: не говоря уже о томъ, что самый лексиконъ различныхъ слоевъ общества далеко не вполне совпадаетъ, одни и тѣ же слова для людей разныхъ классовъ выражаютъ различное содержаніе, потому что различны ихъ оцѣты и жизненныя тенденціи, съ которыми они къ нему подходятъ. Что можетъ быть поучительнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ тотъ смыслъ, который вкладываютъ въ слова „свобода“ и „порядокъ“ съ одной стороны капиталисты, считающій стачку грубымъ нарушеніемъ обоимъ этихъ принциповъ, съ другой стороны — его рабочій, устраивающій стачку какъ разъ для того, чтобы получить больше свободы и внести въ жизнь больше порядка?

И при этомъ различныя культуры не просто существуютъ рядомъ, каждая въ своей сферѣ, среди своего класса; нѣтъ, онѣ противостоятъ другъ другу, какъ непримиримо-враждебныя силы, каждая стремится вытѣснить остальные, признавая только себя истинной, а прочія — ложью. Кругъ вліянія каждой изъ нихъ меньше и больше того класса, который ее создаетъ; господство и упадокъ этого класса отражаются въ господствѣ и упадкѣ его культурнаго вліянія на все общество. Такъ, въ эпоху подъема буржуазіи, тотъ строй мысли и чувства, который въ ней развивался, подчинилъ себѣ значительную часть прежней феодальной аристократіи; а затѣмъ рабочій классъ долгое время воспитывался въ немъ, и теперь не безъ труда стряхиваетъ послѣдніе его остатки. Культурно-классовая борьба ведется не только между различными классами, но и внутри ихъ.

Очевидно, что для нашего, капиталистическаго общества вопросъ о культурныхъ задачахъ времени не можетъ быть постав-

леть иначе, какъ по отношенію къ опредѣленному классу или классамъ. Всякая попытка изслѣдовать его на иныхъ основахъ была бы неизбежно безплодной.

II.

Когда говорить о культурныхъ *задачахъ*, то несомѣнно, подразумѣваютъ нѣкоторую жизненную цѣлесообразность: культура затѣмъ-то необходима, и притомъ не безразлично какая, а именно опредѣленная, по своимъ формамъ и по своему содержанію. Значить, прежде всего надо ясно понять эту цѣлесообразность или, другими словами, точно установить, для чего служить культура, какова ея реальная, практическая роль въ общественной жизни людей.

Всего легче мы можемъ это сдѣлать, если мысленно вернемся къ самому началу всякой культуры вообще,—къ ея первичному зарожденію среди человѣчества. Какъ ни мало мы знаемъ о тѣхъ до-историческихъ временахъ, но имѣются научныя данныя и выводы, вполне достовѣрные, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне достаточные для нашей цѣли. Такъ, нѣтъ всякаго спора находится тотъ фактъ, что древнѣйшимъ и первоначальнымъ элементомъ культуры—дѣло идетъ у насъ, конечно, о „духовной“ культурѣ—была *речь*.

Слово было той основной ячейкой, изъ какихъ затѣмъ строился мало-по-малу весь идеологическій міръ. Разумѣется, слово, взятое въ его живой конкретности, вмѣстѣ съ его значеніемъ: голое сочетаніе членораздѣльныхъ звуковъ еще вовсе не было бы словомъ. Я не стану говорить здѣсь о томъ, какимъ образомъ само слово произошло изъ коллективно-трудового акта: это предметъ самъ по себѣ очень интересный, и относительно него существуетъ вполне надежная научная теорія,—но онъ отвлекаетъ бы насъ отъ нашей темы ¹⁾. Для насъ важнѣе то, что слово — ору-

¹⁾ Вопросъ этотъ выясненъ въ гениальномъ изслѣдованіи Людвига Нуара (L. Noiré, *Ursprung der Sprache*, 1877). Я систематически и съ посвященіями изложилъ его выводы въ своей книгѣ „Паденіе великаго фетишизма“ (1910 г., вся первая глава этой работы).

діе общенія людей—было родоначальникомъ *познанія*, т. е. коллективнаго собиранія и обработки человѣческаго опыта въ понятіяхъ, а затѣмъ изъ словъ и понятій строились всѣ болѣе важныя культурныя образованія—нормы, доктрины и т. д.

Происхожденіе понятія изъ слова, „мышленія“ изъ рѣчи мы беремъ здѣсь прямо, какъ принятое научное воззрѣніе. Понятіе—это и есть слово, только въ ослабленномъ, неполномъ видѣ, лишенное своей оболочки звука; мышленіе—внутренняя рѣчь. Тождество рѣчи и мышленія обнаруживаетъ всецѣло социальный характеръ духовной культуры, которая не можетъ существовать безъ ея вѣдшваго выраженія въ человѣческомъ коллективѣ, и которая поэтому справедливо называется общественнымъ сознаніемъ людей.¹⁾

Итакъ, что заключали въ себѣ, что выражали тѣ слова—понятія, которые впервые образовались въ незапамятныя эпохи и послужили зародышемъ идеологическаго міра? Они были обозначеніемъ коллективно-трудовыхъ дѣйствій.

Это были простые, устойчивыя сочетанія звуковъ „(словакорви“), которыми привычно сопровождались разные акты совместной работы людей,—трудовые крики, нѣчто въ родѣ трудовых пѣсенъ позднѣйшаго времени. Каждый такой крикъ являлся естественнымъ и для всѣхъ членовъ первобытнаго коллектива понятнымъ символомъ того дѣйствія, съ которымъ былъ связанъ. Они служили работникамъ прежде всего для того, чтобы ободрять другъ друга въ процессѣ труда (какъ, положимъ, „Дубинушка“ у нашихъ приволжскихъ крестьянъ), затѣмъ — чтобы поддерживать ритмическое соотвѣтствіе индивидуальныхъ дѣйствій (подобно тому, какъ звукъ „у-ухъ“ въ „Дубинушкѣ“ представляетъ сигналъ для мгновеннаго объединенія усилій); въ дальнѣйшемъ тѣ же звуки стали употребляться и въ качествѣ призыва къ рабо-

1) Связь рѣчи и мысли хорошо выясняется, напр., въ работахъ Макса Мюллера (на русскомъ языкѣ имѣется „Наука объ языкѣ“, „Наука о мысли“ и др.).

Словесно „языковая оболочка“ понятія, представляющая его „знакъ“, въ иныхъ случаяхъ замѣняется другими вѣдшними актами, которые также способны служить средствами общенія людей: мимическія жесты, изобразительныя движенія, лежащія въ основѣ пластическихъ искусствъ, выполненіе музыкальных комбинацій, какъ способъ передачи эмоций, затѣмъ письмо, и т. под. Слово—наиболѣе типичный и главный, преобладающій элементъ духовной культуры.

тамъ, въ родѣ повелительнаго наклоненія нашихъ глаголовъ. Всѣ эти основныя функціи, какъ видимъ, сводятся къ одному: первобытная рѣчь служить способомъ организовать совмѣстный трудъ членовъ первобытнаго коллектива. Идеологія въ своемъ зарожденіи выступаетъ какъ организующая форма соціально-трудовой жизни.

Сокращается или измѣняется это практическое значеніе идеологіи, атотъ ея жизненный смыслъ, въ ея дальнѣйшемъ развитіи?

III.

Отъ языка доисторическихъ дикарей съ нѣсколькими десятками словъ-корней, трудовых 'сигналовъ, достаточныхъ для ихъ несложной борьбы за существованіе, до языка нынѣшнихъ культурныхъ націй, заключающаго сотни тысячъ отдѣльных обозначеній и почти безконечную возможность ихъ варіировать и усложнять—разстояніе, безспорно, громадное. Но приглядитесь внимательно, какую объективную роль играетъ все это колоссальное богатство формъ современной рѣчи, и вы всюду найдете въ основѣ ту же функцію — организовать соціальное бытіе людей.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакой надобности доказывать, какъ вещь очевидную для всякаго,—что вся гигантская система современнаго сотрудничества, распредѣленія, присвоенія, эта система, охватывающая десятки и сотни милліоновъ человѣческихъ единицъ, организуется при помощи словесныхъ символовъ. Путемъ словеснаго общенія, напр., „договора“ работника съ капиталистомъ, устанавливается мѣсто человѣка въ сферѣ производства, словесными указаніями опредѣляются размѣры, характеръ условія его труда, отношенія его къ другимъ работникамъ, и т. д. Посредствомъ „переговоровъ“ совершается каждый актъ мѣнового процесса, составляющаго душу современной экономической организаціи; всюду, гдѣ устанавливается какое-либо взаимоотношеніе собственности, соціальной силы, права и т. п., оно необходимо оформливается, опредѣляется, закрѣпляется, т. е. соціально

организуется путем его словесного выражения, въ точныхъ схемахъ гибкой, развитой человѣческой рѣчи.

Конечно, идеологическая область языка шире непосредственно-трудового процесса и возникающихъ изъ него экономическихъ отношеній. Но возьмемъ явленіе въ самомъ общемъ его видѣ: одинъ человѣкъ, посредствомъ словъ или мимики или письма или какихъ угодно знаковъ сообщаетъ нѣчто другому человѣку. Спрашивается, что объективно при этомъ происходитъ, какое реальное жизненное измѣненіе? Очевидно, такое, что между этими двумя лицами создается нѣчто общее; это нѣчто, входившее до взятаго нами момента въ опытъ перваго, входитъ теперь также въ опытъ втораго и, прямо или косвенно, вліяетъ отнынѣ на его дѣйствія. Слѣдовательно, при помощи этого акта первый приспосабливаетъ къ себѣ втораго, вмѣстѣ съ его дѣйствіями. Но въ этомъ и состоитъ процессъ организаціи — въ приспособленіи однихъ жизненныхъ процессовъ къ другимъ. И если социальная жизнь безконечно усложнилась, элементарныя трудовыя дѣйствія въ борьбѣ людей за существованіе смѣнились многообразно расчлененной системою труда, съ ея безчисленными экономическими соотношеніями, съ безчисленными идеологическими выраженіями и отраженіями, — то человѣческая рѣчь продолжаетъ и здѣсь выполнять прежнюю „культурную задачу“, только въ соотвѣтственно усложненномъ видѣ: задачу организаціи. ¹⁾

Иначе ли обстоитъ дѣло съ другими, производными идеологическими формами — познаніемъ, искусствомъ, моралью и т. п.?

¹⁾ Иногда слово становится орудіемъ борьбы — угроза, полемика, брань и т. п.; это какъ-будто противорѣчить представленію объ его организующей функціи. Но стоитъ приоткрыться ближе — и противорѣчіе исчезаетъ. Даже по отношенію къ противнику боевая функція слова есть въ то же время организующая по своей тенденціи: дѣло идетъ о томъ, чтобы вставить противника отказавшись отъ какихъ-либо нежелательныхъ съ точки зрѣнія нападающаго дѣйствій, стремленій, идей, — т. е. привести его къ практическому или идейному согласованію съ нападающимъ. Но обыкновенно еще больше агрессивная рѣчь направлена къ воздѣйствію на другихъ слушателей, зрителей борьбы, и стремится объединять ихъ на отрицательномъ отношеніи къ врагу, организовывать поддержку съ ихъ стороны.

IV.

Познаніе заключается въ объединеніи, въ систематизаціи опыта посредствомъ понятій, т. е., въ сущности, посредствомъ словъ. На своихъ первыхъ стадіяхъ оно сводилось къ ничтожному числу простыхъ техническихъ правилъ, сохранявшихся среди родовой общины и выразившихъ обычные методы ея труда. Въ этой фазѣ его жизненная роль ясна до очевидности: оно организуетъ трудовую дѣятельность общины. Но современное познаніе въ миллионы разъ превосходитъ своей сложностью, богатствомъ содержанія, свою зародышевую форму. Оно охватываетъ самыя различныя области, и казалось бы, что, напр., абстрактно - научныя теоріи, или философскія идеи, нельзя даже сравнивать по ихъ жизненной функціи съ какими-нибудь социальными - практическими правилами; казалось бы, что теперь существуетъ самоудовлетворяющее, „чистое“ познаніе, которое вовсе не имѣетъ отношенія къ организаціи общественной жизни и дѣятельности. Разсмотримъ, однако, ближе связь познанія и жизни.

Современную технику крупно-капиталистическаго производства, машинную технику съ полнымъ основаніемъ называютъ научною. Это значитъ, что въ ней человѣческій трудъ въ своемъ примѣненіи къ силамъ и вещамъ внѣшней природы направляется и регулируется научными данными и выводами, т. е. организуется наукою. Такимъ образомъ въ этой сферѣ познаніе, какъ видимъ, сохранило свою прежнюю роль; и притомъ не только низшія, частныя понятія, но и самыя отвлеченныя, самыя общія, самыя далекія отъ конкретности явленій. Напр., какія идеи могутъ быть абстрактнѣе, „чище“, дальше отъ жизни, чѣмъ концепціи аналитической геометріи, интегральнаго счисленія, теоріи рядовъ и т. п.? и тѣмъ не менѣе онѣ руководятъ техникой въ организаціи огромной массы механическихъ и инженерныхъ работъ. Нельзя построить мостъ, большое зданіе, сколько-нибудь сложную машину, не выполнивши предварительно массу вычисленій при помощи этой, такъ называемой, высшей математики; иначе получится либо безплодная растрата матерьяловъ, либо—еще хуже—будетъ построено нѣчто негодное и опасное для людей. Какая наука можетъ казаться болѣе самоудовлетворяющей и безкорыстной, чѣмъ астрономія? а она, какъ авторитетный организаторъ, управ-

леть мореплаваніемъ, географическими и топографическими работами, ея указанія часто необходимы и въ дѣлѣ проведенія дорогъ, и въ военномъ дѣлѣ, и въ земледѣліи, а до известной степени и во всякомъ практическомъ дѣлѣ, потому что на ней основано измѣреніе времени—основа распредѣленія всякаго человеческого труда. Теорія свѣта представляется чистѣйшимъ удовлетвореніемъ человеческой любознательности; между тѣмъ она находитъ широкое руководящее примѣненіе и въ сахарномъ, и во многихъ химическихъ производствахъ, и въ фотографическомъ дѣлѣ, и т. д. Примѣры можно приводить безъ конца. и всѣ они показываютъ одно: въ технической области познаніе всецѣло сохраняетъ свою первоначальную функцію, состоящую въ томъ, чтобы планомерно организовать общественно-трудовой процессъ.

При этомъ, такъ какъ само познаніе организовано и постоянно вновь организуется въ систему, то было бы неправильно вырывать изъ него тотъ или иной клочекъ, и отдѣльно спрашивать: а какимъ способомъ организуетъ социальную дѣятельность людей, положимъ, такая-то теорема дифференціальнаго счисленія, или такой-то выводъ теоріи электричества? Въ жизненной системѣ каждая часть служитъ для цѣлаго, и черезъ него, слѣдовательно, для той функціи, которую оно выполняетъ.

Это позволяетъ намъ понять объективную роль тѣхъ философскихъ, метафизическихъ, религіозныхъ концепцій, отношеніе которыхъ къ непосредственно-трудовой сферѣ жизни установить особенно трудно: какая-нибудь идея „субстанціи“, „чистаго бытія“, „верховнаго абсолюта“ и т. п. Ихъ назначеніе объективно состоитъ, или состояло въ томъ, чтобы стройно объединять, цѣлостно систематизировать, словомъ—организовать то или иное міровоззрѣніе, которое въ себѣ суммируетъ обыденное и научное познаніе данной эпохи, данного класса,—познаніе, вмѣстѣ съ его практической ролью.

Если же отъ технически-трудового процесса мы обратимся къ другимъ областямъ социальной жизни и борьбы, то организующее значеніе познавательныхъ системъ вообще, и религіозныхъ, метафизическихъ, философскихъ понятій въ особенности обнаружится для насъ еще очевиднѣе. Въ древнія времена религіи были той связью, которая сплавивала, неразрывно объединяла общество въ его отдѣльности, въ его борьбѣ съ другими современ-

ему обществами, религиозное сознание было для племени, а затем для общества, и еще позже—для нарождавшихся классов, той всеобъемлющей организующей формой, которою определялись рамки совместного действия, взаимной поддержки людей. ¹⁾ Религия была постоянным знаменем общественных групп в их антогонизмах и конфликтах; а знамя, само по себе, не оружие и не цель борьбы, это—организующий символ для армии. С такой точки зрения для нас будет вполне понятно и естественно, что люди объединялись и жертвовали жизнью из-за вопроса о *ὁμοούσιος* или *ὁμοιούσιος* („единосущный“ или „подобосущный“), о написании *Ιησοῦς* или *Ιησους* и т. п.: религиозная схема, иногда сравнительно даже случайная, организовала людей для защиты их живых интересов, и эта, впоследствии отброшенная развитием форма познания, была им нужна, чтобы координировать их действия, собирать и концентрировать их силы, как действует в других случаях повелительный голос вождя-организатора.

В дальнейшем такую же роль стали выполнять философские и научные теории. Освободительно-индивидуалистическая философия, в разных ее видах, была жизненной руководящей и знаменем прогрессивных общественных слоев от эпохи возрождения до революций XIX века. Теория Коперника не только обобщала астрономический опыт веков, но и группировала вокруг себя людей, интересы которых не мирились с традиционным мировоззрением той эпохи и с интересами его носителей, господствовавших тогда классов. А в наше время понятие „научного социализма“, соединяющее идею научного познания с лозунгом классовой организации, прекрасно раскрывает организующую функцию научной мысли.

Поставим вопрос о реальном, объективном смысле познания в самой общей его форме: что в действительности происходит, когда нечто познано? Къ накопленной людьми суммѣ опыта прибавляется некоторый новый опыт, имѣющій значеніе не для одного какого-нибудь челоуѣка, но для всякаго, кому онъ будетъ „сообщенъ.“ Значитъ, отнынѣ этотъ новый

¹⁾ Слово „религія“ какъ разъ и соотвѣтствуетъ по своему основному значенію вашему слову „связь“; по крайней мѣрѣ, таково наиболѣе обычное истолкованіе, которое давалось ему филологами (лат. *religare*—связывать).

опытъ, во-первыхъ, передаваясь отъ одного члена коллектива къ другому, увеличиваетъ собою то общее жизненное содержаніе, которое какъ сближаетъ, которое даетъ имъ общую опору въ жизни, увеличиваетъ ихъ взаимное пониманіе, а тѣмъ самымъ упрочиваетъ и облегчаетъ единство ихъ прагматическаго дѣйствія. Во-вторыхъ, этотъ новый опытъ долженъ „приниматься во вниманіе“ въ послѣдующей дѣятельности членовъ коллектива, трудовой, познавательной и всякой иной, съ которою онъ можетъ прійти въ соприкосновеніе; т.-е., послѣдующая дѣятельность, производственная и культурная, въ той или иной мѣрѣ уже будетъ имъ направляться, регулироваться, контролироваться. Но все это вмѣстѣ—объединеніе дѣятельности людей, ея регулирование, контроль и т. под.,—все это и составляетъ процессъ ея организаціи.

Итакъ, усложнившись съ развитіемъ социальнаго бытія людей, роль въ немъ познанія по существу не измѣнилась, и осталась организующей, какой она была съ самаго доисторическаго ея начала.

V.

Что касается искусства, то мѣсто, занимаемое имъ въ жизни людей, аналогично тому, какое занимаютъ въ ней рѣчь и познаніе, вмѣстѣ вѣвтыя. Искусство является и орудіемъ общенія людей, и средствомъ собиранія, систематизаціи ихъ опыта. Его происхожденіе теряется такъ же глубоко въ прошломъ человечества, и тамъ сливается съ происхожденіемъ остальной идеологіи, всего же тѣснѣе связано съ первобытнымъ языкомъ и мимикой.

Поэзія еще на порогѣ историческихъ временъ не обособилась отъ познанія; религіозный мифъ и эпосъ представляли главную его форму; въ дѣлѣ воспитанія людей они были тѣмъ самымъ, чѣмъ является въ наше время наука и философія. Магабгарата у индусовъ, поэмы Гомера у грековъ, библія у евреевъ были энциклопедіями жизни; онѣ знакомили человѣка съ его народомъ, какъ-бы вводили его въ жизнь родного коллектива, рисуя ему и человѣческія отношенія, и явленія природы такъ, какъ ихъ пе-